

Пред новым днем не знаю сожаленья

В отечественной культуре сохранились люди, к которым испытываешь полное доверие. Их немного. Совесть их чиста и дух светел. Они не участвуют в движении, они двигаются сами. Их немерцающее свечение свидетельствует о естественном происхождении, о даре Божьем и об уместности в жизни. Они стабильны в своих нравственных привязанностях и непредсказуемы в проявлениях своего таланта.

Белла Ахатовна была в черном костюме и в черной шляпе. Она сидела в дубовом кресле с прямой резной спинкой и с обычным для нее сочувствием и доброжелательством следила, как я пытался сформулировать вопрос о том, как уживается поэт с этой жизнью, как сохраняет (или оберегает себя) от нее?

— В моем стихотворении, оно посвящено Блоку, есть такие слова: *Все прижизняется на свете, И лишь поэт уходит в срок.*

А оберегает ли себя поэт? Если речь идет о поэте великом, в чистейшем смысле этого слова, тогда он оберегает себя, претерпевая трагедии и никогда от них не уклоняясь. Разумеется, я говорю не о себе. Уклониться от своего высокого или от страданий других людей — невозможно. Когда мне говорят про какого-нибудь поэта, который говорит, что его мало что интересует вокруг, — не думаю, чтобы он говорил правду. Или тогда это не тот поэт, о котором мы говорим. Потому что поэт знает, когда он живет. И никакой тут не может быть опаски. Только одна. Для меня. Я всегда только одного опасалась, как бы мне не поступиться тем, что главное, главное в судьбе.

— Что защищает тебя от этого? С моей точки зрения, ты одна из немногих людей, немногих поэтов, которых я почитаю все-таки высокими, устояла против соблазнов жизни.

— У меня их не было. Мне только очень мешало, когда я часто выступала, хотя я знаю, что для многих людей было радостным слышать поэта. Но мне для того, чтобы писать, после выступлений нужно было очищающее время, нечто вроде карантина. Уединение, конечно, уединение.

В чужеземство меня не пускали? На меня это не действовало никогда. Без заработка оставались! Ну, опять-таки, на меня это не действовало. Потому что друзья у меня всегда были. А что я могла потерять, кроме чести и совести? Ничего, у меня ничего такого не было.

Что я могла потерять? Другой могла потерять. Могла разочароваться в каких-то людях, которые были подвержены, скажем так, влиянию системы. Это их дело. Если с кем-то что-то происходило, ничего кроме сожаления и сострадания я к такому сюжету судьбы не могла испытывать. Жизнь предлагает много испытаний любому человеку. Я видела

людей, которые претерпели очень тяжелые испытания благоденствием. Но мне, по-моему, это не грозило, я всегда последняя в кассу стою. Однажды одна женщина в булочной говорит: «А вы знаете, я думала, что это вы выдумываете, что вам все приносят». Кто? Я сама хожу в магазины. И там ко мне милостивы, по-моему, за какую-то придурковатость моего выражения и поведения.

— Я думаю, из любви. Мне кажется, ты одна из очень немногих, которым можно целиком довериться. У меня такое ощущение, что вообще любви в тебе больше, чем вмещает объем, в котором ты помещаешься. Ты — одна из очень немногих, которые формируют определенную духовную среду. И вызываешь ты у людей, которые способны стыдиться, стыд за свое бойкое поведение. Я понимаю, что, наверное, это Божий дар, полученный вместе с поэтическим. Но при желании можно предположить, что жизнь вообще не может на тебя повлиять.

— Жизнь не может не повлиять на человека. Я уверена, когда мы говорим о великих поэтах, что они просто не могли совершить ничего плохого. Я же всегда имела поддержку и друзей моих, и просто людей, читателей. И кто-то жалуется, ах, вот теперь поэзию никто не любит. Не знаю. Я видела привет и ответ совсем молодых сердец. Поэзию совершенно не обязаны все любить. Для этого надо иметь свой способ уродения, устройства ума, души. Это не есть общий долг. Но таких людей, которые тонко устроены, очень много.

— Это всегда трудная задача — сформулировать, что такое поэт. Мне кажется, что прежде всего это переводчик. Переводчик душевных движений или движений духа на язык. В твоём случае, на русский язык.

— Поэт — переводчик какого-то небесного диктанта. Или диктатора. Перед этим провинившись невозможно. Получается, что вдохновение есть награда за хорошее поведение.

У меня книжка одна так называется «Звук указующий». А это

Публикуется впервые

Городской пейзаж

Закат дымами шевелит.

Старает год, вчера лишь новый.

Над фабрику «Большевик»

висит румянец нездоровый.

Корпит кирпичный храм сластен,

пресытив рты, измазав щёки

детей, чей диатез влоблён

в красу фольги, в услуды ёлки.

Где выдох приторный трубы

и всех меньшинств, и кислорода —

соперник, несколько, увы,

подташничает пешехода.

Но любит он, какой ни есть,

свой праздник. Всё неповторимо:

он сам, хоть он слегка не трезв,

и фабрики угрюмой имя,

и весь район, где Правды в честь

зовётся улица изрыто.

2 января 1997

звук указующий, он мне раздавался только за хорошее поведение: ну хотя бы живи подале от суесть! И тогда тебя кто-то свыше прощает и посылает звук указующий. А ты уж записывай. Это если поэт. А если музыкант, то он его воплощает в другой язык, уже для всех как будто понятный.

— Но и чужие звуки указующие ты слышишь необыкновенно, я имею

в виду — твои общения с поэтами, не могу это назвать переводами, потому что это, по существу, твои собственные стихи на тему, продиктованную свыше другим людям.

— Особенно важны были для меня, наверное, переводы с грузинского. Грузия, по-моему, это единственное место на земле, где любимых поэтов называют только по имени. Когда они говорят Гала-

ктион, понятно, что это Галактион Табидзе, Тициан, понятно, что Тициан Табидзе. Или Важа... Важа — этого достаточно, чтобы узнать Пшавелу.

Я, правда, была одна из первых, кто пытался, пусть с некоторым своеволием, но перевести Галактиона на русский так, чтобы сохранить музыку стихов.

Я понимаю, что тут должны

быть какие-то потери буквального смысла, но они должны быть возмещены другой прибылью. Музыка.

Бессмертие Галактиона очевидно. Он любил простых людей, и люди его любили. Он любил всякие, мы бы сказали, забегаловки, и люди его любили. Я тоже любила не рестораны, а живые, простые места. И в такой хинкальной или

Фото Юрия РОСТА

хашной меня как-то попросили прочесть что-нибудь. «Что, что она читает?» — спросили посетители. Им сказали — Галактиона по-русски. И они встали, эти люди. Только за имя, не за мой перевод, а в честь имени Галактиона. Он был трагической фигурой, и хотя мне не хочется сейчас говорить о его смерти, скажу: он умер по собственной воле. Но это было связано с Пастернаком. Он был в больнице, к нему приходили, чтобы он подписал письмо с проклятиями Пастернаку. В первый раз пришел, он прочел. Прочел. Сказал: «Плохо, вы еще усовершенствуйте это и приходите, может, я подпишу».

Они усовершенствовали, но он ничего не подписал. Грузины не оторвались от Пастернака. Галактион ничего не подписал, он умер.

Мне никогда не доводилось говорить ни тебе, ни в присутствии зрителей или слушателей, что меня в Грузии печатали больше, невзирая на запреты московские. И мои стихи, посвященные Пастернаку, были напечатаны в журнале «Литературная Грузия».

Уже после смерти Бориса Леонидовича я получила письмо, но, к несчастью, это письмо мной потеряно, хотя я семье Пастернака это рассказывала. Писал простой человек, как говорится. Он работал в депо на юге России. Он мне написал, потому что прочел «Литературную Грузию» с посвящением Пастернаку. Я кратко расскажу эту длинную историю. Она продолжалась всю жизнь этого человека и всю жизнь Бориса Леонидовича. Это письмо было написано очень изящным слогом. Он рассказывал, что увидел впервые Пастернака в Питере, и ему не понравилось то, что Пастернак читал. Он не понял, очень замысловато, не имеет никакого отношения к жизни. А у него была гордость рабочего человека: у него и ум, и смекалка, и все при нем, а ему не понятен этот бред, бормотание... И он написал письмо Пастернаку в Москву.

И вдруг получает ответ от Бориса Леонидовича. Тот пишет, дорогой мой, уважаемый, высокочтимый. Как вы написали мне замечательно. Я все время мучаюсь, вы один точно указали все мои недостатки, которые для меня так мучительны. И я посылаю вам новые стихи, если у меня выйдет книжка, я сразу же вам ее вышлю. Человек прочел это письмо, был поражен этим тоном. Прочел стихи, и ему как-то уже понравилось. И он написал об этом. Они всю жизнь перелисывались. Борис Леонидович посылал ему иногда рукописное какое-то стихотворение, а иногда книжки, когда выходили. И по этому письму судя, он сам как будто учился, как и его адресат.

— Существует ли в твоих стихах

сквозная тема? Кто герой твоих стихов?

— У всякого сочинителя есть один неизбежный герой. Это...

— Он сам.

— Он сам. Что называют лирическим героем. Мне уже не однажды приходилось говорить, что только Венечка Ерофеев дерзнул своего героя сделать своим тезкой.

— А как к тебе относились критики?

— Они мне очень помогли в начале моей молодости, тем, что ругали меня. Их хула содеяла мою известность, которая потом стала для меня оборонительной, защищающей. Потом, когда они спохватились, то уже неизвестно было, что со мной делать. И всегда меня упрекали и в высокопарности, и в том, что это народу не надо. Никто не знает, как народу угодить. Да это и невозможно, и не нужно, иначе окажешься, как многие авторы, в тупике своего так называемого патриотизма.

Все искусство мира тебе должно быть открыто, и любой народ тобой должен быть любим, иначе ты какой-то нехристь.

— В каких ты отношениях со своими стихами?

— Я очень строго к себе относилась. Сурово... Правда, некоторые черновики у меня легко слагались. Наверно, за хорошее поведение, за отдаленность от суесть любого рода. Очень на меня действует деревенская речь. Я еще застала бабушек, которые чудом ложили до наших дней, претерпев все горести и все испытания. Язык замечательный не только в северных местах, но и вблизи Тарусы. И это мне очень много давало, хотя я никогда не старалась им подражать, воспроизвести вологодский акцент или сибирский.

— Как ты воспринимаешь современность, которая нас окружает?

— Я ее воспринимаю с болью других людей, которым хуже, чем нам с тобой. Моё утешение только в том, что я много писала в последнее время. Но еще и в том, что некоторые люди, которые очень это время корят, просто не помнят, что было прежде. Я очень хорошо помню страдания и мучения других людей, которые все время сопутствовали моей жизни. Это коснулось всех, и только равнодушные, только те, которые совсем ничего не помнят, и не знают, и не хотят, могут вспоминать о блаженных временах.

Мне не очень понятны люди, которые не перестают участвовать в каких-то митингах и просто чувствуют какую-то бредовосную болтовню. Эти люди не любят своего народа. Те, что любят, меньше говорят. И не размахивают флагами, которые мне всегда напоминают только беду.

Беседовал Юрий РОСТ

Безумство страсти

Борисом МЕССЕРЕРОМ мы встретились в его мастерской на Поварской улице. На знаменитом черпаке, где многие годы прожили Мессерер и Ахмадулина

— художник и поэт, настоящий мужчина и достойная женщина, муж и жена.

— Как вы познакомились?

— Честно говоря, я не люблю таких вопросов. Это случилось не в одночасье. Мы вращались в одном кругу, а люди определенного светского уровня все время друг у друга на виду, то и дело встречаются. Какое-то время мы гуляли с собаками в одном дворе. Может, это и послужило причиной более близкого знакомства.

В то время я еще не вполне понимал красоту ее поэзии, что и был достоянием просвещенным человеком. Я увлекся Прекрасной Дамой. Поэзия Беллы была для меня открытием, любовь к ее стихам пришла позже, тогда женщина и поэт стали неразделимы. Сегодня я ее первый читатель, даже делаю замечания, ненавязчиво, конечно, но думаю, что в большинстве случаев она к ним прислушивается.

— Она так же следит за вашим творчеством?

— Ее гораздо в меньшей степени интересуют мои занятия. Поэт и не обязан разбираться в живописи. Человек мужского пола должен иметь большую широту и понимание, если он достоин этого звания. Нельзя забывать, что мужчина старше полом, чем женщина.

— Поэту приходится постоянно обороняться от жизни. Удаётся ли вам помогать в этом Белле Ахатовне?

— Именно эту роль я считаю для себя правильной. Я ее как бы защищаю от трудностей жизни. Стараюсь, чтобы ее творчество торжествовало как можно дольше. Все эти годы, которые мы прожили вместе, я знал, что моя задача — оградить ее от превратности судьбы.

— Она это понимает?

— Думаю, что да. Но тем не менее моя жизнь достаточно сложна.

— Как необходимость уединения уживается с вашей активной общественной жизнью?

— Белла очень робко существует. На первый взгляд, мы действительно ведем светскую жизнь, всюду бываем, но на самом деле мы никогда не проявляем инициативу. Когда приглашают друзей, не прийти — грех. Такая открытость — одна из трудностей нашей жизни. Правда, она проявляется только в так называемый период активности. А бывает, что Белла уезжает на 3–4 месяца в Тарусу или Репино, где пишет, а я ее навещаю.

— Белла Ахатовна следит за публикациями о себе в газетах и журналах?

— Нет, она достаточно равнодушно к тому, что о ней пишут. Но очень эмоционально реагирует на всякие неточности и просто глупости. Как-то давала одному журналисту интервью о Набокове, где в каком-то пассаже появилась фраза: «Набоков цеплялся за разговор». Но вы понимаете, что Набоков не мог «цепляться» за разговор, это был скорее наш удел. Такого бешенства у Беллы я не видел никогда в жизни.

Есть Белла и есть ее легенда. Как замечательно сказал Пабло Пикассо, существует легенда Пикассо. Это неважно, что кто-то ругает, кто-то хвалит. Художник знает себе цену и верит в свою конечную правоту. Время стирает нелепости. Точно так же существует легенда Беллы. Я абсолютно убежден, что для очень многих имя Белла Ахмадулина — легенда.

— У Беллы Ахатовны всегда были многочисленные поклонники?

— Ничего не изменилось и сейчас. Это, наверное, природное качество — привлекать и увлекать людей. Любой человек может поддаться обаянию Беллы и влюбиться в одночасье и навсегда. Она очень достойно себя ведет в подобных случаях и не дает мне ни малейшего повода для ревности. Но куда бы мы ни приехали, тут же появляются стихийные поклонники, многие из которых впоследствии становятся нашими друзьями.

Бесконечное число людей пишет ей письма, присылает стихи. У меня ощущение, что вся страна пишет стихи. Огромный гигантский вал словотворчества. В течение своей жизни она отвечала на отдельные письма, но сейчас делать этого не в силах. Люди жаждут встреч, что отнимает много времени и энергии. Все это совершенно непосильно. И я ее всячески охраняю от этого.

— Ее узнают на улицах?

— Всегда. Она может прийти в магазин, заматанная платком по самые глаза. Но люди узнают ее удивительный, хрупкий, ломающийся голос.

— Позни Ахмадулиной коснулись изменения читательских интересов?

— Нам все время поступают предложения об издании стихотворных однотомников. За последнее время многое вышло. Том ее воспоминаний, куда включены также высказывания о Белле наших современников, выходит в издательстве «Аграф». Впервые будут напечатаны два эссе Иосифа Бродского о Белле. Первое — специальное исследование — он написал в 1977 году для американского журнала «Вог». А второе написано на десять лет позже — это обращение к студентам колледжа города Амхерст в Массачусетсе, где Иосиф преподавал. Он предврил Беллино выступление своим эссе «Лучшее в русской поэзии».

— Она собирала свои публикации?

— Никогда ничего не собирала. Это я собираю.

— Вас можно назвать менеджером Беллы Ахатовны?

— Ну, это слишком сильно сказано (смеется). Сейчас я издаю трехтомник Беллы. Перед издателями я поставил вопрос очень жестко: это должно быть замечательное избранное собрание. В него войдут практически все ее переводы, очень многие из них были в свое время затеряны в «толстых» журналах, таких, как «Литературная Армения», «Литературная Грузия», «Дружба народов». Кроме того, существует целый пласт стихотворений

дружеских, которые пишутся «по поводу», или во время дарения книги, или «по случаю». Иногда эта незатейливая, малозначительная надпись, а иногда замечательное, совершенно свободное, раскованное произведение. С удивительным, только ей присущим юмором — я бы сказал женским — и остротой. Я нашел около ста таких стихотворений. Думаю, что этот трехтомник произведет огромное впечатление, ведь никто не представляет, как такая хрупкая женщина, как Белла, могла совершить такой гигантский труд.

Отдельный — четвертый том издания будет включать фотографии. По мнению издателя, фотографии — манок, притягательная для читателя вещь. Но я считаю, что читатель должен фантазировать сам, ведь реалий действительной жизни, и поэзию я включил все фотоматериалы в отдельный том. Это моя позиция составителя. Книга выйдет в роскошном подарочном издании в отдельной упаковке. Это целиком моя инициатива, Белла ни о чем знать не знает и веда не ведает.

— Женщинам принято скрывать свой возраст. Убийей открывает эту тайну абсолютно всем.

— Никогда не денешься: она сама сообщила свой возраст в стихотворении «Моя ролословная», которую знают все любители поэзии. К слову сказать, на Западе из этого не делают секрета. Какие могут быть секреты, когда человек на виду у всего общества?

День рождения Беллы мы отмечаем на сцене МХАТа. Это замечательная, одушевленная сцена, со своей аурой, традицией, атмосферой. Там соберутся все наши многочисленные современники и друзья.

— Что бы вы пожелали Белле Ахатовне?

— Я бы пожелал Белле счастья, как, думаю, и все ее читатели. А сам я надеюсь, что, несмотря на все ее безумства, она добьется всемирного признания, которое несомненно заслужила.

Беседу вела Юнна ЧУПРИНИНА

Тоска по дому

АМА всегда считала, что я — ее повторение. И всегда хотела видеть во мне себя. Может быть, потому что, в отличие от сестры Ани, которая старше меня на пять лет, я всегда что-то писала. До последнего времени писала стихи и думала, что буду поэтом. Но практически ничего не давала читать родителям. Потому что знаю, что они к любой вещи отнесутся с неизменной родительской доброжелательностью и будут необъективны. А я всегда боялась, чувствовала, что если я и напишу что-нибудь хорошо, то это будет напоминать маму. У нас одна природа, и когда о последней подборке моих стихов сказали, что это похоже на маму (только, конечно, гораздо хуже), я бросила поэзию.

По семейной традиции, когда у мамы выходит новая книжка, она дарит ее всем членам семьи с очень простым авторграфом, милыми и душевными словами. Так что какие-то стихи я, конечно, читала, но никогда не знала хорошо ее поэзию, никогда не запоминала ничего наизусть. В отличие от Бориса Асафовича, который может прополжить любое стихотворение, если мама на концерте забудет строчку.

Наша жизнь всегда отличалась от обычной. Ведь как бы то ни было, мы с детства знали, что мама — поэт, и боялись ее расстраивать. В наших отношениях нет фамильярности, чуть больше дистанции, чем в остальных семьях. Никто никогда не любил сюсюканий и уменьшительных суффиксов, единственное исключение — то, что мама нас всегда называла Лизок и Анютки.

Я понимаю, что мама наша жизнь — ее жизнь, и она имеет право ею распоряжаться. Да и вообще слабо представляю, какие могут быть просьбы у детей к родителям? И хотя они всегда предлагают помощь, если это касается заботы времени или усилий, особенно

моральных, мне трудно к ним обращаться.

Сейчас, когда мы видимся с родителями не реже, чем другие взрослые дети, мне кажется, что это правильно. А когда-то, когда я еще училась в школе, мне хотелось, чтобы у меня была нормальная семья. Чтобы можно было рассказать что-нибудь из маминих жизни, вспомнить, как мы вместе ездили в магазин.

С родителями мы проводили только лето. Иногда — на даче, где в знаменитой красной гостинице собирались друзья: Попов, Рейн (я очень боялась его огромности и громогласности), Витя Ерофеев, Венечка Ерофеев. Аксенов и Войнович уехали, когда я была слишком маленькой. Мы жили там в вольном режиме, наравне со всеми принимали участие в застолье, а потом бесконечно мыли посуду. В тоске по тем временам, я люблю ходить на маминих вечера, где встречаю людей из своего детства.

Мы часто ездили в Коктебеле, а особенно в тихую и спокойную Пишунду. В одно лето мама узнала, что я пытаюсь с высоким голосом петь, и со страшным лицом сказала: «Я видела, как ты прыгаешь. Хорошо. Если ты не остановишься, я пойду и тоже прыгну». Услышав об этом, Борис Асафович собрал чемоданы: «Хорошо. Я уезжаю. Прягайте сани».

Крестили меня в Грузии, в одиннадцатый лет. Крестным был Чабуа Амиразджиби, а вся эта поездка до сих пор очень много для меня значит. Одно время я даже переводила по подстрочнику грузинские стихи: казалось, я слышу музыку и что-то понимаю.

Борис Асафович мог накричать и называть, когда-то мне казалось, что он слишком строг: нас с сестрой, например, с пяти лет заставляли есть с ножом и вилкой. Мама могла лишь повысить голос. Я помню только один, самый пустяковый случай, когда она меня сильно ругала: я смастерила брызгалку из какой-то ее косметики. Мама воспитывала

большие примером, не всегда, может быть, была последовательной. Если я не хотела идти в школу, то она с готовностью писала бесконечные объяснительные записки учителям.

Помню только один случай, когда мама ходила в школу. Она произвела самое «удручающее» впечатление. У нас в классе был математический гений-вундеркинд, я рассказывала о нем дома, и мама всегда им восхищалась и даже свела его с автором фильма о вундеркиндах. На классном собрании маму этого мальчика отчитывали за то, что он не ходит на политинформацию. Моя мама устроила целый митинг протеста, что, конечно, было не слишком полезно для моей школьной карьеры. Тем более что я всегда была плохая ученица. Это, может быть, то единственное, что я не могла преодолеть и чем всегда расстраивала родителей. Ненавижу казенные дома. Есть такое психическое заболевание с простой формулировкой — тоска по дому.

Когда Аня была маленькой, мама писала ей стихи, такие, как «Анина мама, гуляя у дома, каждое утро встречает удода» или «Ты прости меня, проказник, безобразник молодой, потому что так прекрасен этот хвостик зайчонка». Потом они были напечатаны в журнале «Колобок» и даже вышли на пластинке. А мы с мамой писали стихи и сказки вместе.

Самый запомнившийся мне родительский подарок — три стульчика из макета декораций, к которым мама написала стихи про эльфов. Мама вообще всегда обустроивала мой день рождения. Это было торжество, которое я встречала еще утром, в постели, заваленная подарками.

А в мамин день рождения я хотела бы пожелать ей внутреннего спокойствия. Она слишком эмоциональный человек и переживает за всех нас в это трудное и нервное время...

Елизавета КУЛИЕВА